

18+

* Мария Косовская *

Козлиха

Мария Косовская

Козлиха

«Издательские решения»

Косовская М.

Козлиха / М. Косовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517777-3

«Козлиха» — история о девочке из маленького шахтерского города. Она заканчивает школу, впервые влюбляется и становится взрослой. Вокруг — жестокие девяностые, которые перемалывают людей. Алкоголь, наркотики, свидания в подвалах и «стрелки» на дискотеках. А у героини нежный возраст. Удастся ли ей сохранить душевную чистоту?

ISBN 978-5-00-517777-3

© Косовская М.
© Издательские решения

Содержание

Мария Косовская	6
ДВОРОВЫЕ	7
ПОДРУГА	11
ДЕЖУРСТВО	17
У ФАДЕЯ	23
ПЕТЕЛИНО	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Козлиха

Мария Косовская

Иллюстратор Алла Тяхт

Редактор Виктория Чембарцева

Корректор Марк Перельман

© Мария Косовская, 2020

© Алла Тяхт, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-7777-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Косовская
КОЗЛИХА
повесть

Дорогой читатель!

Надеюсь на твою сознательность и умение отделить художественный вымысел от реальной жизни, а лирическую героиню и персонажей – от реальных людей, пусть даже некоторые из них и послужили прототипами для автора. Спасибо :)

ДВОРОВЫЕ

– Вали отсюда, придурок! – разнесся эхом хриловато-истеричный женский голос.

Фонари у двадцать первого дома не горели уже месяц. Там, как обычно, кто-то бухал: брань, звон бьющегося стекла и крики из темноты, производили на округу удручающее впечатление.

Саша боязливо оглянулась. Она узнала по голосу Верку Потникову. В прошлую среду, когда Саша шла с велосипедом по железнодорожной насыпи к карьере, к ней пристали Потникова, Штырева и Кобылина. Они окружили ее, и Штырева, ударив ногой по спицам переднего колеса, выбила у Сашки велосипед, он скатился по насыпи и ткнулся рулем в болотную жижу. Потом Потникова трясла Сашку за грудки и допрашивала:

– Че ты выделываешься, козлиха? Кто ты такая? А?! Я у тебя, шалава, спрашиваю! Кто ты по-жизни?

Уже после, ведя искореженный велик к дому, Сашка убеждала себя, что нелепо было бы отвечать: «Я – Саша» или «я – человек». Говорить нужно было на их языке – нагло и грубо. Она молчала поэтому, а вовсе не от страха. Она не боялась их, не должна была бояться.

Эти «лярвы», как называли их в городе Веневе, прикапывались к ней класса с восьмого. Если Сашке приходилось идти мимо (хотя обычно она старалась их обходить), они орала вслед: «козлиха», «ботанка задроченная» и всякое такое. И, разумеется, ржали своим грубыми прокуренными голосами, заставляя Сашку покрываться липким коварным потом.

Сашка и трое дворовых пацанов сидели за столом у двадцатого дома под единственным работающим фонарем. В темноте, за пределами светового пятна скрывалась детская площадка с искривленными остовами качелей и гнутыми турниками с лестницами, при каждом порыве ветра из песочницы доносилась кошачья вонь. Серые пятиэтажки окружали двор с трех сторон, они нависали в сумраке, как многоглазые чудища, глядя во двор живыми – светящимися и темными – будто мертвыми окнами-глазами.

– Может, по домам? – спросила Саша, глядя на Пашку Штейнера. Они жили в одном подъезде, и Сашка знала, что он тайно влюблен в нее, хотя ни для кого это, конечно, не было тайной.

– Давайте еще партию в козла, – предложил Колька Белый. – На раздевание. А, Сашок? – он шлепнул ее по заднице.

– Да пошел ты! Озабоченный, – Сашка раздраженно отпихнула его, она терпеть не могла, когда Колька проделывал эти свои «приколы». – Вон, Еремкина раздевай.

– А че я-то? Я че – крайний? – Женька Еремкин поднял брови, отчего зашевелились его большие прозрачные уши.

Сашка посмотрела на ушастую круглую голову с маленькими, будто всегда изумленными глазами. И засмеялась:

– Ну ты и олененок, Еремкин!

Сашке не хотелось идти домой. Судя по окнам – в спальне горел свет, – мать и отец еще не спали. В зале работал телевизор, и его фиолетовое мерцание окрашивало тюль в космические тона. Сестры Аня и Танюшка, наверное, уже уснули, а родители опять ругаются. Вернее, мать что-то говорит, а отец – пьяный, лежит на диване и безразлично смотрит в телевизор. Когда он уставал от маминых упреков и вопросов, грубо обрывал ее: «Хорош нудить! Не твое дело!» И мама шла плакать на кухню, пила валерьянку или чего покрепче – пустырник или валокордин, – и, опухшая от слез, вымотанная истерикой, ложилась спать. Так было почти каждый день. Сашка это наизусть знала. Она не переносила маминых слез. Иногда Сашка пыта-

лась заступиться за мать, что-то сбивчиво и страстно говорила отцу, он отмахивался: «Не лезь, не твоего ума дело». Тогда она плакала вместе с мамой, сидя на кухне или в детской. Младшие тоже начинали ныть: Анюта обнимала маму со спины, а Танюшка лезла на колени, хотя была уже восьмилетней дылды. Саша много раз уговаривала мать развестись, та задумчиво кивала, глядя перед собой пустыми глазами, а следующей ночью снова шла разыскивать отца по квартире, где пили водку и играли в преферанс.

– Ладно, давайте еще партейку. Сдавай! – Сашка пододвинула колоду Кольке. – Только без раздевания.

– Давай хоть на желание. Че как маленькие?

– Ой, ой, ой! Кто-то уже вырос! – Сашка презрительно окинула его высокомерным взглядом с головы до ширинки. Она это умела – презрительно окидывать.

– Могу доказать! – он придвинулся к Сашке и обнял, как бы случайно кладя ладонь на ее грудь.

– Ну-ну! – Пашка несильно ткнул Кольку в плечо. И тот смирился, убрал руку.

В их дворовой компании Пашка был главным, хоть и самым маленьким по росту. В седьмом классе он перестал расти – его организму не хватало каких-то гормонов. И теперь, к одиннадцатому, его рост был метр шестьдесят, что на два сантиметра ниже Сашкиного. Пашка страшно стеснялся этого факта, и даже нахальный Колька не решался шутить на этот счет, понимал – обида будет смертельной. Зато Пашка был рассудительный и спокойный, никогда не терял самообладания. А еще у него был нормальный отец, которым можно гордиться.

У Кольки отца не было, а его мать – еще молодая и красивая – водила в квартиру любовников. Они поили ее ликером «Амаретто» и воспитывали Кольку. Он от этого злился на мать, уходил из дома на сутки или двое. Так он ей мстил. Она попервой обзванивала Колькиных знакомых, лазила по подвалам, искала его. Но со временем перестала искать и бегать. И наказывать перестала – пусть гуляет, лишь бы не мешал.

Колька был красивым, в мать. «Белым» его прозвали за светло-пепельные волосы, брови и ресницы. Он был альбиносом, но не из болезненных, которые с красными глазами и бледной кожей, а наоборот – загорелый, синеглазый и мускулисто-поджарый.

У Женьки Еремкина было, вроде как, все нормально и с отцом, и с матерью, но он никогда не говорил о семье, не водил к себе друзей в гости и вообще был стеснительный и скрытный. Долговязый, лопухий, с большой головой, Женька рассказывал несмешные анекдоты и на спор шевелил ушами.

Колька начал сдавать карты. Из темноты, вальяжной, самоуверенной походочкой к их столу под фонарем шел парень. Подойдя, он одернул свою вареную джинсовую куртку, откинул с лица челку и по-свойски пожал руки всем. Кроме Сашки, естественно.

– Здорово, пацаны!

– Здорово!

– Здорово!

– Здрасьте! – Саша тоже протянула руку.

Она читала, что по этикету мужчина обязан пожать руку женщине, если она сама ее протягивает. Парень удивленно поднял лучистые брови, улыбнулся, сверкнув глазами, и насмешливо потряс ее руку за кончики пальцев. На Сашу пахнуло ванилью.

– Денис, – представился он.

– Александра, – Сашка постаралась как можно изысканнее склонить голову набок, как французская фрейлина из романа «Анжелика», который она взяла почитать у маминой подруги тети Тани.

– С гулянок? – спросил Колька, приглаживая свои белые волосы, чуть отдающие в свете фонаря синевой.

Денис кивнул. И всем остальным стало неловко оттого, что они, как маленькие, тусуются возле дома, играют в «дурака», когда там – в центре города Венева – кипит неизвестная, но страшно интересная взрослая жизнь, о которой Денис даже рассказывать им не хочет.

– А ты че, рэпер, что ль? – нагло спросила его Сашка.

– Почему? – миролюбиво усмехнулся Денис и посмотрел на нее с таким выражением, будто хотел сказать: «Да ладно тебе, я хороший».

– У тебя джинсы на два размера больше.

– Такой фасон, – он пожал плечами. – Посмотри бирку – какой размер? – Денис приподнял куртку и развернулся вполоборота. Джинсы сидели низко, и Саша увидела рельефный изгиб спины, переходящей в красивые ягодички, и даже слегка задохнулась. Она покраснела, отвела глаза и забормотала:

– Это хорошо, что не рэпер. А то у нас тут металлисты... Рэперов бьют... И наоборот... Война и все такое...

– По фигу. Я не воюю. Мэйк лав, нот вор.

– Чего? – переспросил Колька.

– Я говорю, занимайтесь любовью, а не войной.

– А, точно! Я тоже за, – Колька засмеялся. И все засмеялись, каждый про себя думая, что никогда еще не занимался никакой любовью, и неизвестно, когда это вообще произойдет. А Сашка даже подумала, что хорошо бы первый раз у нее было с Денисом, потому что она, кажется, влюбилась в него. По-настоящему, а не так, как до этого – в Сизого, в Вовку Щербака, в Сашку Азарова. С теми она встречалась просто от скуки. Они были почти безразличны ей. С ними и поговорить-то было не о чем. А Денис... И в груди у Саши сладко и нежно заняло.

– Ну ладно, пошел я, – сказал он.

– Давай! – ребята опять пожали ему руку.

– Александра, – Денис с улыбочкой сжал Саше пальцы и блатной походкой, чуть прищаркивая явно новыми кроссовками, направился в сторону дома.

– Он че, в нашем подъезде живет? – не сдержав радости спросила Саша.

– Месяц как переехали, – сказал Пашка Штейнер, привстав на цыпочки, чтобы стряхнуть с Сашкиной головы жука-пожарника.

– Они с этого, как его, с Сахалина переехали. У него батя там работал. Большую денгу зашибал, – мечтательно сказал Колька.

– Купили квартиру бабы Тони, – объяснил Пашка. Стряхнув с ее волос насекомое, теперь он гладил Сашку по голове, как бы проверяя, – нет ли там других. – Та ж умерла.

– Напротив тебя, что ль, живут? – Саша машинально увернулась от его ласки и посмотрела с таким восторгом, что Пашка нахмурился.

– Ну, да. А че?

– Да не, ниче. Удивилась просто. Мы в карты-то будем играть?

Колька снова стал сдавать. Со стороны школы послышался топот.

– Опять, что ль, металлисты? – спросил Женька, сморщившись от испуга, и уши его опять шевельнулись.

– Один человек, вроде, – сказал Пашка. Все встали, всматриваясь в темноту.

Из-за дома появился мужик. Когда он приблизился, они разглядели, что был он лысый и в грязной одежде. Лицо его оказалось перекошено: половина опухла и сползла вниз, оттопыривая правый угол рта, другая половина казалась вздернутой, словно у скомороха. В руках он держал что-то продолговатое.

– Обрез! – закричал Колька, и мужик, действительно, направил на них ствол.

– Стоять! – заорал он. – Суки! Стоять на месте!

Ребята замерли. Саша чувствовала, как кровь отхлынула от ее лица и тело похолодело, будто жизненная сила вжалась в позвоночник. Пьяные глаза мужика дико шарили по ним около минуты. Обрез, словно кобра, угрожающе покачивался в вытянутой руке. Сашка чувствовала, что нельзя смотреть мужику в глаза, а еще нельзя двигаться, чтобы не спровоцировать. Кажется, остальные тоже поняли все это, и стояли, не шелохнувшись, глядя на кончик ствола. Наконец, мужик опустил обрез и резко, будто выплюнув изо рта сгусток крови, спросил:

– Где они?

– Мы не знаем, – виновато, сорвавшись на какой-то почти писк, сказал Женька и отступил на шаг.

– Где, я спрашиваю, эти суки? – орал мужик.

– Туда побежали, – показал Пашка в сторону Северного.

Мужик медленно, как Терминатор, положил обрез на плечо и пошел в указанную сторону. Ребята переглянулись, а он, будто почувствовав, обернулся и с диким ревом потряс оружием над головой. Это не было обращено лично к ним, угроза относилась вообще ко всему миру. Потом мужик устало ссутулился и побрел в темноту, вскоре полностью в ней растворившись. Ребята не двигались. И тут Колька громко заржал.

– Это нервное, – сказала Саша. – Я про такое читала.

Колька Белый, вытирая слезы, закашлялся и, показывая в темноту пальцем, пытался выговорить, давясь словами:

– Вы ви... Нет, вы ви... видели... это... этого упыря... Это же... реально вурдалак какой-то...

– Ты как? – спросил Пашка, обращаясь к Сашке.

– На меня еще никогда оружие не направляли, – ответила она. – Страшно.

– Пойдемте-ка домой, – благоразумно предложил Пашка. – Кто его знает – еще вернется...

Они попрощались и разошлись по своим подъездам: Колька – в пятый, Женька – в четвертый, а Сашка и Пашка Штейнер – в третий. На первом этаже Пашка чуть задержался, глядя, как перескакивает через ступеньки Сашка, и как подпрыгивает легкий плиссированный подол ее юбки. Он вздохнул и вошел в незапертую специально для него дверь.

ПОДРУГА

– Слышала, Потникова Анаковскую избила, – сказала Ленка Воронина, извлекая из-под кухонного стола табуретку с дерматиновым сиденьем.

– Ого! Когда? – спросила Сашка.

– На прошлой дискотеке в «Ручейке», – табуретка как-то вывернулась из ее рук и упала Ленке на ногу. Она выругалась матом.

– Больно? – Сашка с сочувствием посмотрела на растопыренные Ленкины пальцы на правой, пострадавшей, ноге.

– Нормально, – Воронина, потирая большой палец, вдарила по табуретке кулаком. – У, скотиняка!

На плите начал посвистывать чайник.

– А Ващенкова че, даже не заступилась? – Саша ковырнула алюминиевой вилкой из большого эмалированного таза от куска нуги с карамелью и орехами.

– Че она, дура, что ли, за Анаковскую впрягаться?

Свист чайника набрал силу.

– Да заткнись ты! – Ленка раздраженно выкрутила конфорку, и чайник замолк.

Двигаясь размашисто, как бы давая понять, кто здесь главный, Ленка разлила в разнокалиберные кружки заварку, затем кипяток. На Сашку попала пара горячих капель, Ленка плюхнулась на табуретку.

– Они же подруги, – морщась и потирая руку, сказала Сашка.

– Здоровье дороже, – Ленка ловко отковыряла и положила в рот большой кусок нуги и, не переставая жевать, спросила: – Ты знаешь эту, как ее, Полякову?

– На год нас старше?

– Ага. Помнишь, в том году ее в реанимацию из школы отвезли? Это ее Потникова избила. За волосы об унитаза.

– Ужас! И что, Потниковой ничего не было?

– А че ей будет?

Саша сидела хмурая и задумчивая.

– Ну а Анаковская чем Потниковой помешала? – через некоторое время спросила она.

– Какого-то парня отбила.

– У Потниковой?

– Да не! Ты че! За это ее бы убили. У другой какой-то девки, которая с Потниковой дружит.

– Ясно. На эти дискотеки лучше не ходить.

– Да ладно тебе, не ссы! – Ленка улыбнулась. – Ты же со мной.

– Ой, а ты прям сила.

– А то! – и она хищно улыбнулась, обнажая мелкие белые зубы, измазанные карамелью.

Подруги не виделись все лето. На каникулах Ленка жила на другом конце города у бабушки в маленьком, кривом и просевшем от времени бараке. За железной дорогой сохранились две улицы таких домов, огороженных собранными из чего попало заборами. Там бегали куры, брехали собаки, мычали коровы и хрюкали поросята. Это был кусочек другой, полу-деревенской, полу-пролетарской, по-барачному неряшливой жизни. Район так и называли – бараки. Там Ленка тусовалась со взрослыми подругами, которые жирно обводили черным карандашом глаза, начесывали плотным шаром высветленные до желтизны волосы, носили косухи в заклепках и терпеть не могли таких как Сашка, которая «много из себя строила». Поэтому летом Воронина с Сашкой не дружила, тем более, что дружить через весь город было неудобно.

Ленка хлебала чай громко и быстро, а допив, встала налить ещё. Была она широка в кости, с полными бедрами, но тонкая в талии, а ее шея переходила прямо в плечи плавно, почти без углов. «Наверное, это и называется «покатые», – думала Сашка, рассматривая Ленкину фигуру. Если самой себе Саша казалась похожей на вешалку, то Воронина ей напоминала бутылку вина «Молоко любимой женщины». А с распущенными волосами она даже походила на Деву Марию с этикетки. Её темно-русые слегка вьющиеся волосы как покрывало обрамляли овальное Ленкино лицо с маленьким носиком, веснушками и карими глазами.

– А если Потникова меня будет бить, заступишься? – Сашка еще не до конца растопила в себе обиду за то, что Ленка за лето ни разу не позвонила ей.

– Че я, дура, что ль? – по-простецки сказала Ленка.

Саша горько вздохнула и сунула в рот сладкий кусок нуги.

– Слушай, – сказала она, когда удалось разлепить рот. – А ты не боишься, что эту нугу не просто так выкинули? Может, она радиоактивная?

– Кто ж знает! – флегматично сказала Ленка. – Говорят, сбой в производстве. Мать два рюкзака приперла. Вот скотиньяка ломовая!

– А откуда их прут-то?

– Из Ступино. Там на свалке две кучи: в одной – «Сникерс», в другой – «Марс».

– И не охраняется?

– Как же! С собаками! Но кого ж это остановит? Да че ты все спрашиваешь? Сама съезди и посмотри.

– Мама запретила.

Они молча допили чай, Ленка начала мыть посуду, а Сашка ерзала на неудобной табуретке и набиралась решимости заговорить о Денисе.

– Ты че, летом у этого, у грека работала? У дяди Георгиса? – спросила Ленка. – Видела тебя на рынке пару раз.

– Чего не подошла?

– Да как-то некогда было, – Ленка сделала вид, что не понимает Сашкиной обиды. – Ну и че, много заработала?

– Не напоминай!

– Ты ж масло растительное продавала?

– Ага.

– И мало заработала?

– Ну так... Не очень...

– Сколько?

– Сто пятьдесят тысяч.

– Мало, – Ленка удовлетворенно отвернулась.

– Только неделю работала.

– Не понравилось?

– Ну, как сказать, – Саша, ссутулившись, стала отковыривать от стола декоративную кромку. – Дядя Георгис меня изнасиловать пытался.

– Да ты что?! – Ленка села на табурет и вперила в Сашку. – Стол мне только не порти.

– Никому, ладно? – Сашка спрятала руки между колен.

– Блин буду!

Ленка требовательно, с ожиданием смотрела на Сашку, слегка приоткрыв маленький рот. Сашка молчала.

– Рассказывай.

– Че рассказывать-то? – Сашка вздохнула и потерла руками лицо. – Ой! Я же накрашена. Не размазала?

– Ты мне зубы-то не заговаривай. Сказала гоп, давай прыгай.

Сашка посмотрела с мученическим выражением, под глазами пятнами темнела тушь.

– Мне Армен гирей в голову попал, – начала она.

– Как гирей в голову? – перебила Ленка.

– Я наклонилась масло наливать, а они гирию на два килограмма друг другу перебрасывали. Гиви с Арменом.

– Зачем?

– Ну, у них одна на двоих была, – нетерпеливо пояснила Сашка. – Мне кожу на лбу рассекло. Кровь потекла. А дядя Георгис приехал товар забирать. Я тебя, говорит, до дома должен довести, у тебя производственная травма.

– А Гиви с Арменом че? Их же за это под суд!

– Гиви с Арменом фруктов мне надарили, арбуз дали. И дядя Георгис меня подвез, значит. Возле дома высаживает и говорит: «Я тебе премию за героизм хочу выписать. Только ты ко мне за ней вечером приди». Я и пошла.

– И че, даже не догадалась?

– О чем? Ты же знаешь, как у нас с деньгами.

– Ну и дальше-то что?

– Прихожу к нему. У него дом свой на Новой улице.

– И че? Че? – Ленке не терпелось.

– Стол накрыт. Дядя Георгис шампусик открыл: «Угощайся», – говорит. Я выпила немного, конфетой заела. «Рафаэлло» – мои любимые. А он спрашивает: «Сколько тебе надо?» Я говорю: «Не знаю, сколько дадите». А он: «Зависит от тебя». И ширинку расстегивает.

– Афигеть! И че?

– Я хотела сбежать. А дверь заперта. Давай вокруг стола бегать. Он за мной. «Я тебя поймаю, – говорит, – моя козочка». А у самого болт из штанов торчит.

– Че, большой?

– Огромный!

– Ужас! Ну и че?

– Он стол к стене придвинул, поймал меня, на кровать бросил. Сам сверху навалился, и вдруг как-то задергался, глаза закатились, и слюна изо рта потекла. Прямо мне на лицо.

– Кошмар!

«Скорую, – хрипит, – вызови». Я его столкнула, ключ у него из кармана вытащила и бежать. Пока бежала, думала, вызывать скорую или не вызывать.

– И че?

– Вызвала, – Сашка вздохнула.

– Фуф! Вот ужас! Ну а че с ним-то?

– Да кто его знает. Приступ, может, сердечный. Откачали. Видела недавно на рынке. Какой он мерзкий! Фу! Жирный! Губы вывернутые, вечно слюнявые. Ненавижу!

– Тебя прям бог уберег, – голос у Ленки слегка дрогнул.

– Я в бога не верю, но знаешь, мне кажется, есть какая-то сила, которая меня оберегает. Просто мне такое унижение было бы не пережить, понимаешь? Если бы это случилось, я бы...

– Матери не рассказывала? – перебила Ленка.

– Не. Ты че! Она с ума сойдет.

Ленка встала, случайно задев ногой бутылку под столом. Густая черная жижа медленно растеклась по полу, завоняло керосином.

– Мать убьет, – испугалась Ленка. Схватив с раковины серую тряпку, она подняла бутылку и стала усердно затирать пятно.

Сашка молчала. Вынырнув из тревожных, смутно будоражащих ее воспоминаний, она огляделась, будто увидела Ленкину кухню впервые.

Жили Воронины плохо, даже хуже, чем Сашкина семья. Ленкина мать зачем-то собирала в квартире всякий хлам: банки, чашки, пустые или чем-то заполненные бутылки, старые перчатки, солонки, кастрюли, плошки, тазы. Между всем этим были распиханы целлофановые пакеты, а несколько – сушились на веревке, протянутой через кухню. Пол был уставлен ведрами, бидонами, пыльными картонными коробками, тут же стоял старый сломанный пылесос. Все на кухне было покрыто грязно-коричневым, липким слоем. Сейчас все это снова бросилось Саше в глаза, ей захотелось уйти отсюда, выйти на свежий воздух. И она решила начать нужный разговор:

– Знаешь Дениса Багулина, который переехал в наш дом?

– Кто же его не знает? Красавчик.

– Тебе он нравится?

– Ты че, у меня же парень. Блатной Леха.

– Ничего себе! И ты молчала? – подавляя сожаление, спросила Сашка. – Ну и как? Уже целовались?

– И не только, – Ленка жеманно улыбнулась. – Он мне целку порвал.

– Что?! – Саша поняла, что после такого признания вернуть разговор к Денису будет сложно.

– Ага.

– Ну и как?

– Да как-как, нормально.

– Ну ты даешь! Я даже целоваться еще не умею. А ты уже – женщина. Больно было?

– Да так, нормально.

– Нормально, нормально! – передразнила Сашка Ленку. – Терпеть не могу это слово. Это все равно, что вообще ничего не сказать.

– Ну а если нормально, че я еще скажу?

– Ладно, – Сашка примирительно вздохнула. – Ну и че теперь?

– Че-че. Женится на мне, – Ленка встала и по-хозяйски швырнула грязную тряпку в переполненное мусорное ведро под раковиной. – А пока ходим.

– Ааа, – Сашка сделала вид, что ей все понятно.

– Он раньше со Светкой Моисеевой ходил, но она ему не давала. Вот он ее и бросил. Кстати, с ней теперь Денис ходит.

– С Моисеевой? – от этой новости у Сашки что-то задрожало внутри. – Она красивая.

– Ну и что, что красивая. Никому не дает. И Денис ее скоро бросит. Че ему канительиться? На него, говорят, целый список желающих.

Целый список. Саша, осознавая несбыточность своих мечтаний, тоскливо отковырнула орехово-карамельную нугу, от которой уже подташнивало.

– А ты Блатного любишь? – меланхолично спросила она.

– Фиг знает. Вроде люблю.

– А он тебя?

– Он меня точно любит! – Ленка вздохнула, сладкая улыбочка появилась на ее лице, и она уставилась в окно поверх выставленных на подоконнике майонезных банок с луковицами. Раздался резкий скрежет ключа в замке, затем нетерпеливая повторяющаяся трель звонка.

– Мать пришла, – встрепенулась Ленка и так поспешно кинулась открывать, что неустойчивая табуретка снова грохнулась на пол.

– Да возьми ты сумки, корова! – послышался из коридора голос Ленкиной матери. Тетя Рая показала в коридоре.

– А, гости, – одергивая старомодный бархатный жакет и глядя мимо Сашки, раздраженно произнесла она.

– Здравствуйте!

– Здравсти-здрави, – тетя Рая скрылась в комнате. Ленка тащила в кухню две набитых продуктами сумки. Саша встала. Пора было уходить.

Она не любила тетю Раю, грубую и скандальную женщину. Была какая-то история между ней и отцом Сашки, еще когда тот был директором завода. Вроде бы он уволил ее за сплетни или за потасовку, Саша точно не знала. Отец не терпел даже упоминаний о Ленке и ее матери. Но Саша дружила с Леной, и других подруг у нее не было.

– Я пойду, – сказала Саша.

– погоди. Она при тебе не так ругается.

– Почему?

– Стесняется. Ты ж из интеллигентной семьи.

Сашка села обратно на табурет и с тоской посмотрела на таз с нугой от «Сникерсов», все еще стоящий на столе. Ленкина мать могла из-за него разозлиться.

– Ты пол мыла? – послышалось из комнаты.

– Да! – крикнула с кухни Ленка.

– Иди, посмотри, как ты мыла! Жопа с ручками! Не мыла – так и скажи.

– Да мыла я! – Ленка раздраженно кинула на стол вытасченный из продуктовой сумки батон и пошла в комнату на разборки.

– Где ты мыла? – кричала тетя Рая. – Носом тебя в эту пыль ткнуть? Как кот в дерьмо? Шлындала опять где-нибудь весь день!

– На себя посмотри!

– Ты на мать голос не поднимай. А то плюну и разотру.

– Ты на пол лучше плюнь и разотри! Ты же обычно сама так и моешь! А я два раза протерла, сначала мокрой, потом выжатой.

– Ах ты мразь желторотая! Ну, получишь ты у меня сапоги на зиму! Будешь босая в школу ходить!

Ленка смолчала. То ли испугалась угрозы, то ли придумывала контраргумент. Саше хотелось исчезнуть, телепортироваться сразу в подъезд. Жаль, что еще не изобрели телепорт. В своем воображении Саша уже не раз им пользовалась.

В комнате продолжалось препирательство.

– И пыль не вытирала!

– Да вытирала я, – в Ленкином голосе было отчаяние.

– Врешь! Глаза у меня еще видят, слава богу.

– Не вру я.

– Суп сварила? Отец скоро придет, а жрать нечего.

– Сварила.

Тетя Рая, одетая в синий прямой халат, зашла на кухню, за ней семенила Ленка. Лицо тети Раи было усталым и злым: некрасивое, с высоким от залысины лбом, длинным заостренным носом, кожистыми складками век без ресниц и совершенно выщипанными, а затем нарисованными карандашом бровями. Рядом с ним, милое Ленкино личико – даже раскрасневшееся от скандала – казалось невероятно красивым, и трудно было поверить, что тетя Рая – Ленкина мать.

Сашка встала, желая протиснуться в коридор. Твердокаменная тетя Рая стояла на пути, как гора.

– Разрешите, – пискнула Саша.

Тетя Рая отодвинулась, не взглянув на Сашу.

– Подруг водишь, – продолжала она ругать дочь. – А просьбы матери родной выполнить не можешь! Так ты, значит, ко мне поворачиваешься? Жопой своей мне в нос тыкаешь? Я тебе тыкну! Я тебе тыкну! – и она ткнула Ленке в лицо большую огрубевшую фигу.

Сашка обувалась. Ленка бешено шептала, особо не таясь:

– Как с цепи сорвалась.

– Может, из-за меня?

– Кто ее знает... – у Ленки на глазах были слезы. Саша обняла ее.

– Держись.

– Да ладно. Я привыкла.

– Ну, пока, – Сашка вышла в подъезд и в который раз прочла надпись на стене: «Ленка – честная давалка»; скользнула взглядом по объявлению под гнутыми черными от гари почтовыми ящиками: «Даю в рот и по морде» с подписью снизу «доброжелатель». Она толкнула фанерную, в дырах, дверь подъезда и оказалась на улице. Наконец-то, на свежий воздух.

ДЕЖУРСТВО

Сашка размазывала шваброй воду по классу, размышляя, – зачем было застилать пол в школе таким дурацким линолеумом? Весь 10-й «А» каждую среду после уроков драил его щетками, губками, чистящими порошками, но через неделю он опять становился серым от въевшейся грязи. Все из-за этих противных выщерблинок в форме маленьких червей. Как будто опарышей вывалили на еще жидкий линолеум и оставили подыхать, чтобы остались эти художественные узоры в виде отпечатков их тел.

Вообще, сам классный кабинет у 10 «А» был одним из лучших в школе: просторный, на светлой стороне. Стены его были до середины окрашены коричневыми фигурными крапинками, нанесенными по трафарету – Светланушкина идея, которую они вместе воплощали на летних каникулах несколько лет назад. На больших окнах, выходящих на открытый школьный стадион, развевались под ветром легкие бежевые шторы. Вокруг доски висели яркие математические плакаты: «Квадратные уравнения», «Степени и корни», «Прогрессии», у противоположной стены высились до потолка шкафы с книгами и учебными пособиями. И стоял тот влажный и пыльный запах, который бывает в библиотеках и на складах.

Находиться в классе Сашке нравилось – была в нем какая-то упорядоченность: ровные ряды парт, стулья, аккуратно поднятые для мытья пола, атмосфера собранности и учебы. Особенно она умела это ощутить, оставшись здесь одна. Тогда пространство как бы подчинялось ей, успокаивалось. Во время урока оно подчинялось Светланушке, становясь сухим и строгим, лишенным податливости. Во время перемены, когда учительница покидала класс, пространство класса становилось бушующим океаном, в котором Сашка будто тонула.

Она задумалась о своем одиночестве. Почему-то ей никак не удавалось прибиться ни к одной из школьных группировок, которые хоть и не дружили между собой, но соблюдали негласную иерархию. Никто не трогал друг друга без повода, и приставали только к тем, кто слабей, или к таким, как она – одиночкам и отщепенцам.

Если бы Сашка смогла примкнуть хоть к какой-нибудь группе, ей не приходилось бы ходить в столовую через второй и третий этажи. Крутые чувихи тусовались на первом, напротив входа в школу, и чмырили всех, кто им не нравился. Особенно на большой перемене, на которую приходился обед. После четвертого и пятого уроков никого уже не было, но Сашка на всякий случай сначала выглядывала с лестницы, и, если было свободно, быстро шла по коридору к раздевалке. Если же было три урока, как в прошлой четверти по средам, когда отменили физику, ей приходилось ждать конца четвертого либо как-то просачиваться, прячась за спины. Не то чтобы Сашка была трусихой, ей просто не хотелось нарываться, ведь на унижение придется как-то реагировать, что-то делать. Ей было очевидно, что в драке она не победит. Оставалось бежать или прятаться.

Сашка стала думать про яблоневый сад за школой. Она обожала Городенцы.

Когда Сашке было семь, она испытала в саду одно необычное состояние. В воспоминании Сашка видела это так: она идет по протоптанной в густой зелени тропинке, смотрит под ноги и зачем-то спрашивает у самой себя: «Что такое бесконечность?» Потом поднимает глаза и видит вокруг яблони, а за ними еще и еще. И ее восприятие расширяется во все стороны, насколько хватает обзора, а потом еще дальше. И вот она вмещает в себя весь мир, который оказывается бесконечным яблоневым садом. И это внутри нее гомон и стрекот кузнечиков, гул самолетов, щебетание трясогузок и отдаленные, едва слышные голоса людей. Внутри нее этот свежий, душистый ветер. Внутри нее щекочущее копошение всех живых существ.

Потом она часто вспоминала тот момент, пытаясь пережить его снова. Но такой отчетливости не удавалось достичь. А в четырнадцать пришли другие переживания, новые и пугающие. Будто из нее самой полезла какая-то сладковатая, грязная нега, которая мутила созна-

ние, как воду. И то ощущение слитности с миром стало ненужным, показалось бессмысленным и пустым. Теперь были другие, мучительные и волнующие перипетии подростковой жизни.

Сашка вспомнила про свою яблоню, которую звала Зеброй за полосатый от старости, разветвленный, шершавый и теплый ствол. Теперь на ней, наверное, созрели яблоки. Яблоня была поздней. Сашка вспомнила, что давно не навещала ее. Раньше она каждый день после уроков сидела на ветке, в темно-зеленой восковой листве, и подслушивала разговоры прохожих: прямо под Зеброй шла тропинка. А еще раньше, классе в третьем, Сашка пересказала дворовым «Оцеола, вождь семинолов», и они играли под этой яблоней в индейцев. Сашка была шаманом, а Лешка – вождем. Однажды, когда все ушли обедать и оставили Сашку одну, пришли незнакомые дети и хотели разжечь под яблоней костер. Сашка сидела на дереве, обхватив ствол руками, и отказывалась слезать, защищая Зебру. Они кидались в нее палками и банками с краской, которые притащили с мусорки. Они попадали ей по ногам, оставляя кровавые ссадины, синие пятна и подтеки, но она все равно не слезла, не предала Зебру. Теперь это казалось такой глупостью, – ну что бы они сделали с деревом? Ничего. Поиграли бы и ушли. Сашка не могла вспомнить, почему тогда казалось таким важным – защитить дерево.

А сейчас? Что важно для Сашки сейчас?

Она вспомнила «классный час». Светланушка зачитывала из какого-то журнала, прикрывая обложку газетой, статью про половые отношения, «Вы, – говорила она, – должны знать это, вам уже пора». «Я это в пять лет знала, – думала Сашка, – а она нам сейчас рассказывает. Вот хочется нам сказки слушать про то, что сексом без любви заниматься нельзя. Господи, ну и дура! В нашем классе уже больше половины им занимаются, по-всякому: и по любви, и по пьяни. И не скажешь же ей, что смешно это. Растряндится... „Вы – эгоистические натуры!“». А нам все это нахрен не нужно!»

Сашка сняла со швабры склизкую тряпку, окунула ее в ведро с грязной водой, распрямилась и замерла. На нее навалилось одно из самых постыдных в ее жизни воспоминаний, которое часто всплывало вдруг, без причины и заставляло каменеть от тяжелых, накатывающих дурнотой чувств. Событие само по себе было довольно пустое и глупое, как успокаивала ее потом мама. Но Светланушка сделала из него драму, настоящую трагедию в духе разоблачения врага народа. Было это два года назад, в восьмом классе.

Саша любила училку английского языка – Ларису Викторовну. Мягкая, женственная и красивая, она напоминала Саше маму. Часто, о чем-то задумавшись, слушая их корявые английские пересказы, она улыбалась сама себе. «London – is the capital of the Great Britain. This is one of the greatest cities in the world». Лариса Викторовна кивала, как будто не слушая, и вдруг озаряла теплым и ясным взглядом: «Умница. Садись. Пять». Она хвалила учеников, не боясь их испортить, и Сашка зубрила английский ради ее похвалы. Лариса Викторовна, оценивая Сашкину старательность, разрешала рассказывать свои собственные истории, а не скучные учебные тексты.

В том году она выпускала одиннадцатый класс. Однажды в конце урока она разоткровенничалась и рассказала, как тяжело полюбить детей, привязаться к ним, а потом расстаться и заново привыкать, уже к другим, таким маленьким и незнакомым.

– А возьмите нас, – не выдержала Сашка.

Если бы Лариса Викторовна стала их «классной», жизнь Сашкина была бы сносной, ведь учиться она любила, но Светланушка... Да, она хорошо преподавала алгебру и геометрию, но мучила их еженедельными жуткими собраниями под названием «классный час», требуя писать доносы и слушать про «настоящих пионеров». Она втолковывала им, что «А» класс обязан быть образцовым, а вместо этого они постоянно подводят ее.

– Как же я вас возьму? – удивилась Лариса Викторовна. – Вы – класс Светланы Дмитриевны, жены директора. Она вас не отдаст.

«Вас не отдаст» прозвучало как захлопнувшаяся тюремная решетка. А впереди еще был девятый, и десятый, и одиннадцатый класс.

Прозвенел звонок, все начали складывать учебник и тетради в портфели. Лариса Викторовна вышла за дверь, и Саша произнесла слова, которые стали причиной самого большого и мучительного в ее жизни стыда. Было ли это сказано в шутку? Скорее всего, да. Сашка, конечно, не планировала всерьез это осуществлять. Она вообще не думала, просто ляпнула:

– А давайте доведем нашу Светланушку. Она от нас откажется, и Лариса Викторовна нас возьмет.

Некоторые посмеялись, но вяло, без энтузиазма. А Женька Казаков мрачно пошутил:

– Или исключит всех из школы!

Он оказался прав: Сашку действительно чуть не исключили. По крайней мере, Светланушка оповещала об этом педсовет. Почему Сашку все же оставили, она не знала. Возможно, благодаря маме, которая смогла смягчить и сгладить ситуацию. Но Сашке пришлось пережить кое-что похуже исключения. То, от чего у нее до сих пор холодело в груди, а глаза становились мокрыми.

У Сашки были в классе враги: Ващенкова, Анаковская и Таранникова. Что имели против нее эти три рано развившиеся высокие девочки? Мама говорила – завидуют. Но Сашка понимала, что завидовать ей было не в чем: мелкая, в восьмом классе еще неразвито-угловатая, из бедной многодетной семьи. А эти были из богатых, по Сашкиным представлениям, семей. После отмены школьной формы они приходили в школу одетые во все дорогое и модное: куртки-варенки, мини-юбки «резинки», на физкультуру – яркие спортивные костюмы фирмы «Абибас». И у каждой было невероятное количество лосин, Сашка даже не могла запомнить всех расцветок. Сама она бессменно ходила в плиссированной черной юбке, фиолетовых лосинах и дешевом свитере с розой из люрекса. Скорее, Сашка завидовала им, особенно Анаковской, которая одевалась со вкусом и меняла наряды каждый день. Длинноногая, большегрудая, с тонкой талией, умная и острая на язык, – она нравилась Сашке, и, наверное, поэтому, была главным ее врагом. Ведь в начальных классах они дружили. Но потом Анаковская стала сторониться ее, а классе в шестом возник этот тройственный союз, в котором именно она, Анаковская, открыто конфликтовала с Сашкой. Это она приклеила к Сашке грубое «Козлиха», называя ее так в школе при всем классе и, не стесняясь, первая, громче всех кидала что-то обидное в Сашин адрес. «Козлиха, как всегда, считает себя самой умной», – как бы размышляя вслух, произносила Анаковская на какое-нибудь Сашкино предложение по оформлению стенгазеты или организации «огонька». Ващенкова и Таранникова высокомерно посмеивались. А Сашка сникала, обещая себе больше не проявлять инициативу. Анаковская ее по-настоящему этим задевала. А вот на Таранникову – самую высокую, худую девочку класса, со светлыми волосами, собранными в длинный гладкий хвост, и на Ващенкову, – вытянутое лицо которой, с крупными, сильно навыкате глазами, всегда имело брезгливое выражение, – Сашка внимания не обращала. И вот, без всякого предупреждения, вероломно (как написано в учебнике истории про нападение фашистов), именно Ващенкова заложила Светланушке Сашку.

Кончался еженедельный «классный час».

– Есть еще какие-нибудь вопросы? – спросила Светланушка, почему-то встав из-за учительского стола и, опираясь на него пальцами, подавшись вперед своим грузным величественным телом.

Ващенкова скромно подняла руку.

– Да, Наташа?

Ващенкова встала и, выговаривая слова так, будто не хочет это произносить, но понимает, что не может поступить иначе, сказала:

– Саша Козлова вчера, после урока английского, сказала: «Давайте доведём Светлану Дмитриевну». Чтобы вы от нас отказались, и нашим классным руководителем стала бы Лариса Викторовна.

Светлана Дмитриевна поощряла стукачество, называя это пионерской сознательностью. Кто пинал по кабинету истории кактус? Кто запер в подсобке уборщицу? Кто курил в туалете? Каждую среду после уроков она делала из них «честных товарищей и сознательных пионеров», уверяя, что доносчик останется анонимным, надо просто написать печатными буквами имя виновника, свернуть и бросить в коробку у нее на столе. Это долг каждого советского человека. Но никто никогда не сдавал ни Женьку Казакова, ни Кольку Шаманского, ни заядлого курильщика Ромку Овдеева. Класс сопротивлялся давлению тем сильнее, чем Светланушка на него давила. И вдруг Ващенкова без всяких требований и поощрений, как бы сама решила выполнить долг.

– А Саша Козлова вчера...

Сашка, сидя за дальней последней партой, подняла от каракулей в тетради голову и испуганно посмотрела на Ващенкова.

– Давайте доведем Светлану Дмитриевну...

Что-то тяжелое и жаркое подкатило к горлу. Сашке стало сложно дышать.

– Чтобы вы от нас отказались...

Саша чувствовала, как лицо медленно заливается жгучей краской стыда.

То же самое происходило с лицом Светланушки. Оно стало пунцовым, и Сашке показалось, что щеки ее затряслись.

– Спасибо, Наташа, – тоном, от которого на Сашку будто обрушивались валуны, сказала Светланушка. Воцарилось молчание.

– Что ж, – она как бы обдумывала, что делать, наконец, тяжело и мрачно вздохнула, и на лице ее отразилось какое-то трагическое торжество. – Я не ожидала такого предательства со стороны одной из лучших учениц класса. Хотя я и раньше замечала, что Саша Козлова отличается неблагонадежностью, недостойной звания пионера. Но такой подлости от тебя, Саша, я даже не могла предположить.

Сашке захотелось исчезнуть. Глядя в лежащую на парте раскрытую тетрадь, она ощутила всю непоправимость своего поступка. Клеточки страниц, нарисованная угловатая девочка в треугольной юбке, дерево с червивым яблоком, сам червяк, который из-за глаз, густо обведенных ручкой, походил на накрашенную женщину, задрожали и расплылись синими пятнами. Глаза заволочило слезами.

– Саша, выйди к доске, – приказала Светланушка.

Сашка встала. Тело от навалившегося страшного предчувствия стало непослушным. Но она вышла на указанное Светланушкой место – лицом к классу, напротив доски. На одноклассников Сашка не смотрела.

– Теперь все вы, как пионеры и будущие комсомольцы, должны высказать свое осуждение мерзким действиям Саши Козловой. А ты, – Светланушка перевела взгляд на Сашу, но смотрела уже сквозь нее, будто та стала пустым местом, – слушай, что скажут тебе твои одноклассники.

И все начали говорить. «Это бессовестно». «Невообразимо». «Нагло». «Беспермонно». «Не ожидал такого от Козловой Саши». «Отличница не должна так себя вести». «Давайте исключим ее из совета отряда, из пионеров, из школы».

Сашка уже не понимала, что именно они говорят. Они ненавидели ее, ненавидели заслуженно, потому что она совершила нечто страшное. Осознание того, что она оказалась плохой,

навалилось на Сашку неподъемным грузом, от переживаний и напряжения шумело в ушах и громко тяжело колотилось сердце.

Только Славка Луканский, тоже отличник, смущенно предположил:

– Может, простим? Она ж пошутила.

– Пошутила?! Пошутила! Как можно так шутить? – взорвалась негодованием Светланушка. – Если она сейчас так шутит, чего от нее ожидать потом? Предательства? Подлости? Измены? Нет, так ведет себя только гнилой человек, которому не место в моем классе. Садись, Козлова. Я сделаю все возможное, чтобы исключить тебя из школы.

Сашка прошла на свое место, села за парту. Светланушка что-то еще говорила, но Сашка уже не слышала. Она бессильно смотрела в окно: на бегающих кросс старшекласников, на низкое серое небо и голые ветки рябины. Сашка думала о том, как получилось, что она оказалась гнилым человеком, эгоистичным предателем, недостойным того, чтобы жить, и что теперь у нее только одна дорога...

Придя домой, она долго рыдала, запершись в детской. Испуганные сестры скреблись в дверь, спрашивали, но Сашка не обращала на них внимания. Она уже все для себя решила, но что-то останавливало ее. Она представляла похороны – как все одноклассники, считавшие ее гнилым человеком, поймут, что она осознала вину и поплатилась за нее жизнью. Они будут жалеть ее. Воображаемая эта сцена приносила Сашке облегчение. Но страх перед самоубийством был сильнее, и она пыталась найти другой выход. Как остаться жить, и не быть «гнилым человеком», как ходить в школу, как смотреть им в глаза? И Светланушка, – о ней было страшно даже думать. Она никогда не простит предательницу, сказавшую про нее такие подлые, такие ужасные слова. Другого выхода не было, только смерть.

Сашка решилась. Вытащив из плотного конвертика сменную бритву для папиного станка, она села на бортик ванной и пока без нажима провела по запястью. Надо было набраться смелости и резануть глубоко. Сестры, напуганные Сашкиными рыданиями, смотрели в большой комнате телевизор, но едва послышался поворот ключа в замке – бросились в коридор, навстречу маме, и наперебой начали рассказывать, что «Саша уже два часа плачет, а теперь заперлась в ванной». Мама негромко постучала в дверь:

– Сашенька, милая.

Сашка спрятала бритву на верхнюю полку шкафчика.

– Александра, открой дверь.

Сашка посмотрела в зеркало на свое опухшее от слез лицо, вздохнула и с облегчением отодвинула на двери щеколду.

– Что случилось? – спросила мама, заглядывая ей в глаза и стараясь взять ее за руки. Саша потянулась к ней, прижалась к пахнущей духами блузе, окунула лицом в мягкие, лаковые волосы, и, захлебываясь слезами, рассказала все. Это было таким облегчением, будто она свалила с себя огромный груз, и теперь мама что-нибудь придумает и решит за нее.

Выслушав все, мама улыбнулась.

– Какая ерунда! Чуть! Ваша Светлана Дмитриевна – как ребенок! – мягко сказала она и, прижимая к себе Сашку, погладила ее по голове.

– Мама! Меня исключат из школы. Я – плохая.

– Ну что ты! Ты – хорошая. Просто сказала глупость. А Светлана Дмитриевна раздула из мухи слона.

– Правда?

– Правда.

И Сашка заулыбалась. Она поверила маме. И значит, можно было жить дальше, хоть и стыдно, но можно. Как-нибудь справится, думала она, я – хороший человек, который всего лишь сказал глупость. А Светлана Дмитриевна раздула из мухи слона.

Через час к ним пришла Светланушка. Услышав в коридоре ее голос, Сашка решила не выходить из комнаты и даже спряталась у себя в кровати на втором ярусе. Мама готовила ужин и пригласила учительницу на кухню, где, закрывшись, они разговаривали около получаса. Сашка все же слезла и пыталась услышать что-нибудь через стену, но доносились только бубнящие возгласы: негодующие Светланушкины и мягкие, успокаивающие мамины. Потом Светланушка ушла. Мама заглянула в детскую и сказала:

– Ну вот, все в порядке. Она – разумная женщина и все поняла.

И вопрос замаялся сам собой. Сашкино поведение вроде бы обсуждалось на педсовете, но ее не вызывали, и никто уже не собирался ее исключать. Все, вообще, как бы забыли, даже Светлана Дмитриевна никогда больше не вспоминала об этом. Что такого сказала мама, чтобы усмирить грозящую Сашке уничтожением волну? Сашка не знала. Зато она теперь ясно видела, – кто ее настоящий враг. Не Анаковская, которая всего лишь проговаривалась, не в силах скрыть свое отношение. Ващенкова – вот, кто Сашку действительно ненавидел, кто ждал случая отомстить. Но за что? Сашка понятия не имела, но чувствовала – есть какая-то обида, которую она случайно ей нанесла, возможно, вот так же сказав что-то, не подумав.

– Ну, что ты тут, закончила? – Воронина вернулась в класс с выстиранными от мела тряпками. – А то меня уже ждут.

– Блатной, что ли?

– Кто ж еще? – Ленка приосанилась, встречаться с Блатным для школьницы было авторитетно. – Че-то ты долго моешь. Раз-два и готово.

– Остались второй и третий ряды.

– Короче, больше половины. Может, я пойду, а ты домоешь?

– Но в следующее дежурство моешь ты!

– Ладно.

– Ты обещала сегодня учить меня целоваться.

– Вот это не знаю. Я, наверно, до ночи с Блатным буду. Да и че там учить? Просто рот открываешь, и все, – Ленка открыла рот и сделала томное лицо. Сашка засмеялась.

– Дурацкий у тебя вид.

– Да ну тебя! – Ленка схватила свою сумку с парты.

– Можешь ответить мне на один вопрос? – серьезно сказала Саша. – Почему меня ненавидит Ващенкова?

– Завидует, – беззаботно сказала Ленка и хлопнула дверью.

– Чему завидовать? – сама себя спросила Саша и снова принялась размазывать по линолеуму грязь.

У ФАДЕЯ

- Фадей подошел к столику во дворе еще засветло. Был он на удивление трезв, но весел.
- Сашка, а у тебя паень есть? – спросил он после приветствия.
 - Паень? – переспросила Сашка. – Это кто?
 - Ну, паень? С котойм ходишь?
 - Фадей тебе встречаться предлагает, – заржал Колька.
- Фадей смущенно замялся, щеки, покрытые редкими тонкими волосками, порозовели.
- Я пьосто спьясить.
 - А у тебя дома есть кто-нибудь? – Сашка мерзла и глубже запахивала тонкую ветровку. – Может, к тебе? Посидим, чайку попьем?
 - Пошли, – с важным равнодушием согласился Фадей.

Откуда взялся Фадей в их доме, точно никто не знал. Где-то он жил раньше, до совершеннолетия. Может, в детдоме, может – у родственников. А в квартире на первом этаже в седьмом подъезде их дома жила древняя бабка. Она торчала целыми днями из открытой створки застекленного, вылинявшего до серости, балкона, встречала и провожала прохожих бормотанием и пугающим взглядом. Детьми, они боялись ее до жути. Про нее рассказывали страшилки во дворе: «В одном черном-черном городе жила черная-черная старуха...». Сашка думала, что бабка ворует детей, и каждый раз, проходя мимо, складывала в карманах фиги, чтобы не дай бог... А однажды, Сашка искала пропавшего котенка и кричала в маленькие подвальные окошки: «Кис-кис-кис», и бабка то ли харкнула, то ли чихнула на нее сверху: «А ну кыш! Прочь!». Тогда, с перепугу и со всей страстностью, на которую способна детская душа, Саша пожелала старухе смерти. И действительно, бабка вскоре умерла, а вместо нее появился единственный ее наследничек – малахольный Фадей.

Сергей Фадеев, как звали его на самом деле, не был ни дурачком, ни больным, а просто недотепой. Высокий, худой, с крупным горбатым носом, слезливыми черными глазами и детским, всегда почему-то приоткрытым ртом. Внешностью он походил на цыгана. В городе вообще было много цыган. Но они держались вместе, а Фадей, похоже, жил один. Был он беспомощным и жалким. И этой его беспомощностью пользовались все. Старшие пацаны без спросу приходили к нему бухать или просто перекантоваться на хате. Дворовые ребята: Пашка, Колька, Сашка и Женек, хоть и были младше Фадея на два-три года, беззлобно издевались над ним, над его «фефектом речи», хотя и не гнушались его безвольным, безответным гостеприимством.

- Фадей, скажи «стратосфера», – Саша сидела на коленях у Пашки Штейнера.
- В грязной пустой кухоньке с обоями, изрисованными неприличными картинками, было только четыре стула. Все расположились за старым фанерным столом и чего-то ждали.
- Стъя-тос-фея, – лицо Фадея, и так худое и длинное, вытягивалось от усилий еще сильнее.
 - В натуре, фея! – Колька Белый пихнул Фадея в плечо, как бы по дружбе. – Фадей, ты – фея бла-хаты.
 - Бла-хат-фея, – уточнил Женек, прикуривая от протянутой Белым зажигалки.
 - Есть домовой, а ты благовой, – пошутил Пашка.
 - Какой он благовой? Посмотрите на него, – Сашка пригладила торчавшую вихрастую челку Фадея. – Он у нас маленький. Даже вон, картавит.
 - Да идите вы! – Фадей дернулся в сторону от Сашкиной руки и обиженно вывернул свои пухлые цыганские губы. – Я вас позвал, а вы издеваетесь.

– Ой, ой, ой, он, кажется, сейчас заплачет.

– Знаете, что? Уходите отсюда.

– Да ладно тебе, не обижайся, Фадей! Мы же, шутя, – сказал Пашка Штейнер, а Саше, как всегда, стало немного стыдно, что она тоже издевается над Фадеем, но в то же время ей было приятно вот так по-взрослому сидеть на коленях у парня и чувствовать себя королевой, пусть и среди дворовых парней.

– Хотите, анекдот расскажу? – сказал Женек, и, не дожидаясь ответа, стал рассказывать. – Вопрос: может ли вегетарианец полюбить женщину? Ответ: может, если женщина ни рыба, ни мясо.

Никто не засмеялся. Женька смутился и стал собирать пальцем невидимые крошки на столе.

– Фадей, может, я поесть приготовлю? – примирительно спросила Сашка.

– У меня только веймишель.

– Давай вермишель. Ребят, вы есть хотите?

– Не-а.

– Я дома похавал.

Посередине кухонной стены, как скворечник, висел единственный шкаф. Фадей достал из него пачку вермишели и поставил на газ черную железную сковородку.

– Ты че, в сковородке будешь варить? – спросила Сашка.

– Я их жайить буду.

– Прямо так, не отваривая?

– Пйам так.

– Давай я по-нормальному сделаю: сварю, обжарю на масле, – Саша выхватила у него пакет. – Кто ж сухие макароны ест? Совсем с дуба рухнул?

– Это ты с дуба йхнула. Это веймишель. И я знаю, как надо. Отдай.

– Не отдам, – Саша, смеясь, начала бегать от Фадея между стульями. Колька Белый поймал ее и удерживал, пока Фадей разжимал ей пальцы. Это было весело, и все смеялись, но, когда вермишель уже была у Фадея, а Колька все еще продолжал держать Сашку, стало как-то неловко.

– Руки убери! – голос Саши был строг.

– А то что?

– Белый! Она кому сказала! – Пашка стал поочередно расцеплять пальцы Белого на Сашкином животе.

– Ладно, ладно, – глупо посмеиваясь, разжал руки Колька.

Раздался глухой стук в дверь, и тут же сильные и нетерпеливые удары, от которых жалобно задребезжали разболтанные дверные петли. Все замерли.

– Кто это? – шепотом спросила Сашка.

– Не знаю, – ответил Фадей, и из пакета посыпались на раскаленную сковородку тонкие вермишельки.

– Открывай, Фадей! – послышался мужской голос.

– Фадей, открывай, – повторил женский.

– Это Ленка, – обрадовалась Сашка. – Наверное, она с Блатным. Я открою?

– Откывай, – смирился Фадей.

В квартиру ввалилась розовощекая Ленка в длинном пальто и в цветастом платке на голове. За ней – в ватнике нараспашку, широко улыбаясь щербатым ртом, – проталкивался в дверь Леха Блатной. А позади, как-то скромно и нехотя, шел Денис. Когда он прошел мимо

Сашки, на нее пахнуло ванилью. Боясь встретиться с ним взглядами и обращаясь к одной Ленке, Сашка затараторила:

– Классно, что пришли. Вы откуда? С города? Или с Северного?

– Да отстань ты, дай хоть раздеться, – отмахивалась Ленка.

– Случайно встретились у дома. Решили зайти, – как бы оправдывался Денис.

Все прошли на кухню.

– Опачки! – сказал Блатной, доставая из рукава ватника полулитровую бутылку водки.

– Ни фиги себе! – пацаны повскакивали со стульев, радостно блестя глазами, потянулись здороваться.

– Фадей, закусь есть? – деловито располагаясь на освободившемся стуле, спросил Блатной.

Фадей показал сковородку с вермишелью, которая уже начала коричневеть.

– Свои глисты жарить? – усмехнулся Блатной. Все с готовностью заржали.

– Это веймишель, жаеная веймишель, вкусно, – обиженно заскулил Фадей, но его никто не слушал.

– Пацаны, организуете закуску? Хлебушек, колбаску, салыце. Что есть.

Пашка кивнул, а Женек начал мяться:

– Дома родаки. Я не знаю.

– Ладно, не гунди, – отмахнулся от него Блатной.

– Запивка есть, – и Колька Белый достал из кармана куртки два пакетика «Зуко»¹.

– Молоток! – похвалил Блатной. – Разводи.

А Денис добавил, глядя на Кольку и посмеиваясь:

– Ты прям как пионер – всегда готов.

Пашка и Женька ушли домой за закуской, а Сашка думала, почему Денис здесь. С дворовыми он почти не общался, дружил с кем-то с Северного. И вообще, был для Сашки загадкой. Может, он здесь из-за нее? Хотя, откуда он мог знать, что она у Фадея. Значит, из-за Блатного. Или из-за бутылки водки. Тут Сашка заметила, что Ленка ей отчаянно подмигивает, кивая на Дениса и как бы говоря: «Действуй, для тебя привела».

Блатной, «державший» свой район – бараки, слыл за пьяницу и душевного человека. К нему всегда можно было обратиться, он умел «разрулить базар». Небритый, с сальными, собранными в хвост волосами, небрежно одетый, он тем не менее был красив, и, если бы не выбитые передние зубы, мог бы сниматься для обложки какого-нибудь журнала. Если бы, конечно, в их городе кто-нибудь выпускал журнал.

Блатной сидел на стуле, широко расставив колени. Он притянул к себе Ленку, по-хозяйски усадил ее. Колька Белый, глядя на Сашку, тоже постучал по коленке, приглашая присесть, но она отрицательно замотала головой и села на свободный стул. Фадей размашисто, по большой дуге, будто давая всем возможность рассмотреть блюдо, поставил сковородку в центр стола.

– Пьебуйте! – объявил Фадей. – Пальчики оближешь!

– Не позорься, а! – попросил Блатной, отталкивая от себя сковородку. – А, сука, горячая!

– Нет, нет! Вы попьебуйте, – настаивал Фадей. Но никто почему-то не хотел пробовать.

– Убери эту гадость, я сказал, – раздражаясь, приказал Блатной. – Лучше рюмки и запивку организуй. Ленок, помоги парню. А то он как неродной.

Пока Ленка наливала в полуторалитровую бутылку воду из-под крана, пока засыпала в нее пакетик «Зуко», Сашка, Денис и Блатной молча переглядывались. Все были как-то скованны, как часто бывает, когда малознакомые люди сидят трезвыми за одним столом. Блатной вызывающе осмотрел Сашку. И, убедившись, что она – ничего, подмигнул ей. Она ответила

¹ Зуко – растворимый фруктовый напиток, популярный в 90-е годы.

тем же. На Дениса Сашка только раз взглянула украдкой, обожглась, покраснела, опустила глаза. Наконец она не выдержала и спросила:

– Ну че, будем пить?

Ленка поставила на стол бутылку с ярко-оранжевым напитком. Ревниво глядя на Сашу, она уселась на коленку к Блатному и по-хозяйски обвила его шею руками. Но он высвободился и потянулся к бутылке.

– Где стаканы? – пнул он Фадея, евшего у плиты. Вермишель разлетелась по полу, Фадей заныл, но послушно поставил на стол три стакана и серую эмалированную кружку.

– Наливай! – сказал Блатной Денису, откидываясь на спинку стула.

Саша опьянела быстро, с первого полстакана. Когда вернулись Пашка Штейнер и Женек, водки уже не было. Но они добросовестно сидели, ожидая чего-то, а Сашка делала бутерброды, и почему-то это было смешно. Сашка хохотала, прикалывалась над Фадеем, уворачивалась от Белого, но делала все исключительно для Дениса. Тот улыбался как-то замученно, без интереса, и посматривал на часы.

Ленка и Блатной сначала целовались на кухне, а потом ушли в комнату. Пьяный Фадей уговаривал всех попробовать блюдо. Он подносил к Сашке полную ложку коричневой вермишели, но она, смеясь, отпихивала.

А потом появились местные завсегдатаи: Дрон и Михон. С ними был незнакомый парень невысокого роста, с маленьким и невыразительным лицом. Дрон и Михон звали его Слямзя. Он только что вернулся из армии и, чтобы отметить это, принес литровую бутылку спирта «Рояль». Пока спорили, в какой пропорции разводить, появились девки: Натаха Кирилина и Светка Штырева.

Все, что было дальше, Сашка помнила какими-то вспышками. Вот она распахивает туалет, там, стоя на четвереньках, рыгает Белый. Сильно размякшее и какое-то незнакомое Пашкино лицо приближается и говорит: «Давай уйдем». Но Сашка не хочет, потому что здесь Денис, которого она любит. Но на кухне его нет. Сашка ищет по комнатам. В них темно, только шевелятся какие-то тени. Вот одна из них оглядывается. Сашка видит лицо, пьяное, возбужденное, с алыми, накрашенными, губами. И вязкий женский голос: «Ну ты чё?». Пятясь и держась за стены, Сашка возвращается на кухню. Здесь какие-то незнакомые мужики. Фадей сидит на полу и плачет. Сашку начинает мутить. Кто-то подхватывает ее и куда-то тащит. Ободок унитаза, грязный кафельный пол. Темнота, диван. На потолке быстро вращаются световые полосы. Душно и накурено. И кто-то наваливается. Но Сашке надо домой.

На морозном ночном воздухе Сашка слезка протрезвела. Тот мелкий, с неприметным лицом, довел ее до подъезда. Мягко и, казалось, заботливо он шептал:

– Что же ты так напилась? Такая маленькая. Такая красивая.

– Как тебя зовут? – спросила Саша, фокусируя взгляд на его лице. Оно оказалось приятным, улыбчивым, с мелкими, подвижными как у обезьянки чертами.

– Леха, – сказал он. – Леха Слямзин.

– Здорово, Леха. Я – Саша. Проводишь меня?

– Я уже.

– Действительно. Мой подъезд, – она размашисто показала на дом, и ее повело назад. Слямзя ее поймал и, придерживая, повел к подъезду. У двери развернул к себе и вопросительно посмотрел.

– Ну, поцелуй меня, раз привел, – сказала Сашка.

И он стал целовать, прижимая к двери подъезда и шаря по ней руками.

– Эй! Стоп, стоп! Я же не умею целоваться, – вспомнила Сашка.

– Пошли в подъезд, я тебя научу, – жарко проговорил он. Она послушалась.

Уперев ее в батарею, он настойчиво целовал. Сашке было приятно, что его горячие, мягкие, почти женские руки, залезли ей под свитер, что губы щекочут шею. Она даже позволила расстегнуть лифчик, и он мял по очереди ее груди, и лепетал возбуждающим и диким шепотом:

– А ты, оказывается, совсем большая! Мммм, какая хорошая девочка, – и его рука все настойчивее упиралась в пояс ее брюк. Вдруг неожиданно и юрко она проскользнула в трусы. Сашка дернулась и резко его отпихнула.

– Ты что делаешь?

– Я хочу тебя, малышка. Иди ко мне, – он тянулся к ней губами, приоткрывая мокрый рот и закатывая глаза. Сашка испугалась.

– Я тебя даже не знаю.

– Узнаешь!

– Ты – никто мне! Ты даже не мой парень!

– Если хочешь, я буду им, – и он схватил ее руку и исступленно начал облизывать кончики пальцев.

– Успокойся! – она отняла у него свою ладонь и попыталась отодвинуть его. – Если ты мой парень, тогда до завтра. На сегодня хватит. Ты меня проводил. Уходи!

– Как же так? Ты меня возбудила! Это нечестно, – он снова прижал ее к стене, и в спину Сашке остро уперлась батарея.

– До свидания, – она резко толкнула его и крикнула. – Я сказала, хватит. Хочешь, чтобы я заявила на тебя?

– Постой. Ты что, девочка? – он даже отступил на шаг.

Она кивнула.

– Тогда понятно. Ладно, я пошел. Завтра зайду. Ты в какой квартире?

– В тридцать пятой.

Саша, пошатываясь, поднялась на третий этаж, осторожно открыла своим ключом дверь. В коридоре горел свет, и это неожиданно резануло Сашке по глазам. Она осторожно, стараясь не издавать пьяных звуков, сняла сапоги, куртку, прошла на кухню. За столом сидел отец. Он был бледен и необычно трезв. Лицо его, прежде опухшее за неделю запоя, теперь как-то опало и казалось старым.

– Где мама? – спросила Саша.

– Маму увезла «скорая».

– Что случилось?

– Ничего страшного, – папа отвел взгляд. – Просто она устала. Иди спать. Я девчонок только что уложил. Постарайся не разбудить.

Не волнуясь за маму, почти не думая о ней, Саша проскользнула в ванную. Она была рада, что папа не заметил ее нетрезвость. И еще Сашка очень хотела спать.

ПЕТЕЛИНО

Чтобы навестить маму, взяли дедушкину машину. Это было странно, потому что дедушка никогда раньше ее не давал. Белый, приятно пахнувший бензином «Москвич» был для деда предметом поклонения, самой важной вещью в жизни, которую нельзя доверить пьянице-сынку. Так думала Сашка и была поражена тем, что болезнь мамы что-то изменила. Вообще, в ней было много странного: маму положили не в городскую больницу, а в какую-то под Тулой, в неизвестном Петелино. И почему-то целую неделю ее нельзя было навещать. Хотя девчонки легко с этим смирились, даже повеселели от того, что папа рано приходил с работы, варил невкусные мучные супы, а однажды даже испек жесткий, несъедобный маковый рулет. Все это он старательно готовил по старой кулинарной книге, которой мама никогда не пользовалась. Он смешил Анюту и Танюшку, превращая готовку в игру. «Чтобы сделать антрекот, нам понадобится кот» или «Я – не козел, я траву не ем. Бе-е-е-е». Девчонки ели с удовольствием и его супы, и все остальное – несъедобное, но смешное. Мама никогда так не делала, она быстро готовила, быстро убиралась, и вообще, все делала быстро, но у нее никогда не оставалось времени, чтобы с ними поиграть. Тем не менее, Сашке мама казалась совершенством. Когда она шла с остановки, куда привозил всех рабочий автобус, а Сашка, гуляя во дворе, замечала ее, то неизменно испытывала острое, пронзающее умиление.

Маленькая, стройная, будто прозрачная в неверном свете вечернего солнца, в своем узком джинсовом платье, которое очень шло ей, в больших очках, делавших ее похожей на стрекозу – издали мама казалась сотканной из чего-то эфемерного, сказочного. И все внутри Сашки ликovalo и радовалось – мама идет. Легкие белокурые волосы и танцующая, мягкая походка – Сашка считала ее самой красивой женщиной в мире.

Дома мама менялась, становясь привычной, раздражительной от усталости. Ее качества как бы перетекали в окружающую обстановку: на кухне становилось уютно и чисто, аппетитно пахло ужином, хотелось сидеть за столом и рассказать ей о проблемах, которые казались непреодолимыми. Но мама говорила: «Послушай, это такие мелочи. Пустяки. Не стоит тратить на это нервы», – и все действительно оказывалось пустяками, незначительными препятствиями, которые можно перешагнуть и жить дальше. И теперь, когда мамы не было, Сашка скучала. Но старалась подыгрывать папе, чтобы не разнюнивались Аня с Танюшкой, каждый вечер канючившие: «Когда вернется мама, когда мы поедем к ней?»

К концу второй недели отцу надоело играть в хозяйку, он вернулся к привычному образу жизни. И девчонки ели гречневую и пшеничную кашу, которую варила уже Сашка. Наконец, папа сказал, что в выходные они поедут навестить маму. И Сашка еще в пятницу испекла торт, который они теперь везли с собой в обувной коробке.

По дороге девчонки спали, навалившись на Сашу, и едва слышно сопели во сне. В их дыхании приятный детский запах смешивался с легкой вонью плохочищенных зубов.

«Если маму сегодня не выпишут, – думала Саша, разглядывая по дороге унылые и бескрайние поля, – придется мне всем одежду стирать и гладить, мелким носить уже нечего». Стирка в доме была целым событием. Нужно было вывалить из корзины всю грязную одежду на пол, рассортировать по цветам, а потом долго крутить в стиральной машине «Сибирь» сначала на стирке, потом, переложив в центрифугу, на отжиме. А после полоскать в ванной в холодной воде. И повсюду лилась вода, а машинка билась током, и нужно было следить, чтобы сестры не зашли в ванную босиком, да и самой не наступить в лужу. Много суеты, нервов, усилий. Нет, Саша это не любила! Она любила сидеть в кресле или лежать на втором этаже двухъярусной кровати с книгой. Сашка обожала читать. По школьной программе она дочитала Шолохова «Тихий дон» и теперь для себя читала «Графа Монте-Кристо». Впрочем, в послед-

нее время ее увлекала эротическая литература. Одну из таких книжонок – на серой бумаге, с плохо пропечатанными картинками голых женщин с томно приоткрытыми ртами – подсунул ей Слямзя. И теперь Сашка с волнением думала о том, как вернется и будет ее читать.

Со Слямзей они встречались уже неделю, каждый вечер пили у Фадея, а потом подолгу целовались в подъезде или на лавочке, если на улице было тепло. Все это время Сашка прожила в каком-то сладостном мутном угаре. Ему не было выхода, и не было от него избавления. На нее вдруг обрушилось незнакомое раньше чувство страсти. Оно не было направлено ни на кого конкретно. Просто Слямзя в ней его включил. И теперь, вместо геометрии или истории, на уроках ее занимали фантазии о разных, в основном – выдуманных, – мужчинах. Представлять настоящих – того же Слямзина, который все больше казался Сашке жалким глупым пьянчужкой, – она не могла, потому что вместо эротических включались совсем другие переживания. Да и скучно становилось со Слямзей. Даже целоваться или позволять трогать себя Сашке надоело. А зайти дальше она не могла из принципиальных соображений: первый раз обязательно нужно по любви!

Они подъехали к трехэтажному особняку с облезлой, местами отвалившейся штукатуркой, оголившей красный кирпич. На воротах Саша успела прочесть табличку: «ГУЗ. Тульская областная психиатрическая больница №1».

– Пап, а мама че, в психушке лежит?! – с изумлением спросила она.

– Не отвлекай меня, – папа делал вид, что занят. Он энергично выворачивал руль, и машина петляла по засыпанном яркими кленовыми листьями тротуарам. Саша поняла – он не хочет об этом говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.